

DOI 10.5862/JHSS.251.18
УДК 1(091)+113/119+130.2

В.А. Серкова

ИДЕАЛ «СТРОГОЙ НАУКИ» В ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется программа реформирования философии по принципу «строгой науки» в феноменологическом учении Э. Гуссерля (1859–1938). Отмечено значение логики в этом процессе. Дан сравнительный анализ логических исследований Г. Фреге и Э. Гуссерля. Показано, как повлияла феноменология на формирование смыслов «реального» и «объективного» в трудах эпистемологов XX столетия. Объективизм, или материалистический натурализм, как форма соединения двух отдельно сложившихся областей знания – эмпирического опыта и логических взаимосвязей, – с точки зрения Гуссерля, показывает свою несостоятельность, поскольку эмпирия ориентирована на спонтанную форму сознания, в то время как классическая формальная логика представляет собой отвлеченную от реальности нормативную конструкцию. В этой связи Гуссерль, аналитически описывая спонтанную работу сознания, настаивает на реформировании логики и приведении ее в соответствие с многообразием восприятия мира в сознании. Развитие неклассических логик в XX столетии подтвердило правоту философа.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ; ИДЕАЛ «СТРОГОЙ НАУКИ»; НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЛОГИКИ; ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ; СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ.

В XX столетии одной из самых уважаемых философских школ становится феноменология. С одной стороны, она наследует немецкой классической философии, в частности трансцендентальной аналитике И. Канта, с другой стороны, Э. Гуссерль, родоначальник феноменологии как последовательного учения, стремится поставить феноменологическую философию на одну ступень со «строгими науками».

Эдмунд Гуссерль (1859–1938) прошел сложный путь духовного развития. Он изучал математику, физику и философию сначала в университете Лейпцига, затем в Берлине. Среди учителей Гуссерля был основатель «критической математики» К. Вейерштрасс. В 1882 г. Гуссерль защищает диссертацию по математике «О теории вариативного счета» и в качестве приват-ассистента при Вейерштрассе остается преподавать в Берлине. В 1891 г. выходит в свет его работа «Философия арифметики». За несколько лет до Гуссерля, в 1884 г., австрийский логик Готлоб Фреге опубликовал свой труд «Основания арифметики». Фреге и Гуссерль вступают в продуктивную критическую переписку вокруг общего для них предмета исследования – базо-

вых оснований арифметики, или теории счета. В дальнейшем они стали продвигаться в разных направлениях. Фреге создал специальный раздел математики – символическую несодержательную логику, повлиявшую на формирование языка искусственного интеллекта.

Развитие логики в пределах исчисляемых понятий и символических содержаний по образцу фрегеевской не привлекало Э. Гуссерля, тем не менее логика занимает особое место в его феноменологической теории. Двадцатый век ознаменовался невиданным со времен Аристотеля расцветом логических учений. Эта наука оставалась предметом интереса Гуссерля на всех этапах его философской деятельности. На формирование концепции Гуссерля повлияли такие логики, как Д. Гильберт, К. Гедель, Ф. Ланге, Г. Лотце, К. Твардовский, Б. Рассел, Г. Фреге. Сам Гуссерль обращается к проблемам логики в специальных работах – «Логических исследованиях» (1900–1901), «Формальной и трансцендентальной логике» (1929), «Опыте и суждении» (1939). Он читает курсы, посвященные общим и специальным вопросам логики. Так, в зимний семестр 1910/11 г. в Геттингене он ведет курс по общей логике, в 1925–1926 гг.

читает лекции, посвященные анализу пассивного синтеза. В таких работах, как «Философия арифметики» (1891), «Идеи к чистой феноменологии» (1913) и «Картезианские размышления» (1929), Гуссерль органично вплетает логическую проблематику в общую ткань своих феноменологических исследований.

С конца XIX в., в третий раз после расцвета аристотелевской и схоластической теорий, логика вновь возрождается. Именно в логических исследованиях математики и философы пытаются переосмыслить результаты достижения двух наук – математики и психологии, во многом определивших дальнейшее направление развития философской проблематики. С логикой обычно связывалась и проблематика «философии как строгой науки». Расцвет неклассических геометрий, а также другие математические открытия второй половины XIX – первой трети XX в. привели к переосмыслению принципов и законов классической логики.

В узкой среде специалистов-логиков сложилось различное отношение к гуссерлевым усилиям подвергнуть логику критическому анализу с позиции формирующейся феноменологии. Так, Г.Х. фон Вригт даже не упоминает имени Гуссерля в своем критическом обзоре важнейших этапов развития логики в XIX и XX вв., обходит его молчанием и в своих собственных логических штудиях [1].

Но в случае с Гуссерлем, по-видимому, следует оценивать не только конкретные результаты его логических занятий, но и общий, во многом нереализованный потенциал его феноменологических исследований, которые в общем радикальном реформировании основ европейской рациональности не могут не задевать проблем классической логики. Не случайно, что те логики, с которыми Гуссерль общался при жизни или состоял в переписке, свидетельствуют, что очень часто те или иные их логические достижения были инспирированы гуссерлевыми исследованиями. Так, Б. Рассел в письме к Гуссерлю пишет, что его «Логические исследования» были в числе тех книг, которые Рассел прихватил с собой в тюрьму, куда был заключен за свои пацифистские настроения во время Первой мировой войны [2, с. 367].

Особого внимания заслуживают отношения Гуссерля и Фреге, которые скреплялись

их общим интересом к логике и математике. Ученые вели переписку, наиболее активно с 1981 по 1906 г. Переписка оживлялась, когда выходили из печати их очередные работы. Взаимное влияние двух философов основательно проанализировано такими исследователями феноменологии, как Д.Н. Моханти, М. Даммит, Д. Фёллесдаль, Я. Хинтиikka, посвятившими этому вопросу специальные работы. Ученые по-разному оценивают результаты такого обоюдного воздействия. Так, Я. Хинтиikka полагал, что фрегеевская логическая теория – плохой предмет для сравнения с гуссерлевской феноменологией, поскольку в учении первого не содержится и намек на те методологические процедуры, которые у Гуссерля являются необходимыми и предваряющими всякое исследование. В частности, это касается вопроса относительно редукций, формирующих структуру феноменологической аналитики и определяющих в целом характер анализируемых предметностей в феноменологии [3, с. 93].

Другие исследователи полагают, что именно благодаря различным подходам Фреге и Гуссерля в решении схожих проблем взгляд одного подчас с неожиданной стороны проясняет позицию другого. Р. Соломон в исследовании, посвященном Фреге и Гуссерлю, полагает, что взгляды Фреге позволяют «прояснить некоторые наиболее загадочные пассажи у Гуссерля» [4, с. 40].

При сравнении взглядов Г. Фреге и Э. Гуссерля бросается в глаза их негативизм в отношении к языку как основе логической конструкции, что сближает воззрения двух философов. В 1906 г. Фреге в письме Гуссерлю пишет следующее: «Логика, как мне кажется, еще слишком часто липнут к языку и грамматике... Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка. Когда люди создавали язык, они находились на уровне детского образного мышления. Языки не создавались по логической линейке. И логическое в языке сокрыто за образами, которые не всегда верны. Во время образования языков, по-видимому, имело место чрезмерное разрастание языковых форм. Позднее многое должно было исчезнуть и упроститься. Главная задача логики

состоит в освобождении от языка и в упрощении. Логика должна стать судьей языка. Следовало бы покончить с субъектом и предикатом в логике; или эти два слова следовало бы ограничить отношением подпадания предмета под понятие (субсумпцией). Отношение подчинения одного понятия другому настолько отлично от этого отношения, что при этом не может быть и речи о субъекте и предикате» [5, с. 156].

Сходные по духу высказывания Гуссерля, касающиеся «искушения языком», можно найти в «Начале геометрии».

Фреге склонен отдать язык на откуп исторической лингвистике, как логик он готов ограничиться сферой символических высказываний, поддающихся формальному исчислению. Для Фреге (как для профессионального логика) символическое описание является всегда самым предпочтительным способом логического выражения, хотя и не всегда достижимым. Для Гуссерля такой способ абсолютно неприемлем именно потому, что он носит нормативный характер и никак не выражает конкретного содержания сознания.

В своих «Логических исследованиях» Фреге показывает, как осуществляется переход от чувственной формы к языковой, когда «образность языка создает некоторые затруднения. Чувственность неизменно вторгается в область вневещного, сообщая выражениям образность и, следовательно, неточность. Так возникает борьба с языком, вынуждающая меня заниматься лингвистическими проблемами, хотя это, вообще говоря, не входит в мою непосредственную задачу» [6, с. 60–61].

Недоверие к языку заставляет Фреге сосредоточиться на области формальных символических структур и разрабатывать свою классификацию суждений, существенно отличающуюся от традиционной. Он анализирует логику предикатов и преимущества формализованного языка. Такая тенденция была абсолютно чуждой Гуссерлю, поскольку он в своих примерах предпочитал обращаться скорее к «экземплификациям» конкретных случаев и очень редко демонстрировал то или иное положение своей теории посредством символических формул или схем. Однако и чувственные содержания опыта проходят процедуру феноменологической редукции и не могут использоваться как «очевидностный фактологический материал».

М. Мерло-Понти, французский последователь Гуссерля, объясняет причину того, почему ощущения и основанные на них так называемые первичные качества не могут рассматриваться как базовые структуры феноменологического анализа. В «Феноменологии восприятия» он пишет: «Так называемая очевидность чувствования основана не на свидетельстве сознания, но на наивной вере в мир. <...> Мы вовлечены в мир, и нам никак от него не оторваться, чтобы перейти к осознанию мира. <...> В отношении качества можно дважды ошибаться: во-первых, мы ошибаемся, когда делаем из него элемент сознания, тогда как для сознания оно объект, когда относимся к нему как к ни о чем не говорящему впечатлению, хотя оно всегда имеет какой-то смысл; с другой стороны, когда полагаем, что этот смысл и этот объект являются и определенными, и самодостаточными. И первая, и вторая ошибка исходят из наивной веры в окружающий мир» [7, с. 27–28].

Проблема отношения единичного «теоретического факта» к системной полноте теории, которую развивал Гуссерль в своей феноменологической дескриптивной философии, позже была подхвачена П. Дюэмом, впоследствии уточнена У. Куайном и вошла в эпистемологию как тезис Дюэма – Куайна. Я. Хинтикка в теории глубинной и поверхностной информации, выделяя два уровня реальности, утверждает, что «глубинная информация – это информация о реальности, о которой говорит рассматриваемое высказывание, а поверхностная информация – это в определенном смысле информация о самом концептуале, с помощью которого мы отражаем реальность (или какой-то ее аспект)» [8, с. 221]. В этом свете логика, как один из концептов, является всего лишь последовательным и непротиворечивым связыванием некоторых предметных содержаний, в силу этого она остается ограниченным (поверхностным), как у Хинтикки, или нормативным, как у Гуссерля, способом интерпретации, который является только фрагментом возможного понимания, только одним из многих коррелятивных отношений. Реальное же означает всю совокупную систему возможных высказываний, что близко по смыслу «полной ноэме» Гуссерля.

Итак, анализ сознания не ограничивается для Гуссерля пределами чистого формального (математического) знания, так же как и грани-

цами индивидуальных содержаний сознания, или конкретного психологического опыта. Именно поэтому в своем знаменитом произведении «Логические исследования», которое принесло ему славу оригинального философа, Гуссерль критикует как символическую теорию, так и обратную практику «подкладки» чувственных образов под такого рода конструкции. В первую очередь он имеет в виду неокантианскую теорию символических форм и эмпирическую психологию. Ориентация на психологию, имеющую эмпирическую базу исследований, согласно Гуссерлю, приведет философию к квазинаучности.

Два тома «Логических исследований», появившиеся в 1900–1901 гг., — это итог чрезвычайно плодотворного развития Гуссерля-философа. В последнем, шестом, исследовании второго тома Гуссерль формулирует и исследует принцип интенциональности, который и будет определять основу его феноменологического метода. Между 1901 г., годом окончания работы над «Логическими исследованиями», и 1911 г., годом появления его программной статьи «Философия как строгая наука», лежит целенаправленная работа по формированию феноменологической философии, которая только и могла, с точки зрения Гуссерля, претендовать на статус «строгой философии». В чем же заключается смысл обновления философии? Если в целом характеризовать значение этой статьи, то, по-видимому, следует признать, что в ней еще не определен способ преобразования философии, это скорее «академический плач» по поводу несостоявшейся науки с весьма длительной историей, чем четкий и конструктивный план ее реформирования. Согласно Гуссерлю, философия как «строгая наука» «еще и не начиналась», поскольку в ней не выработан метод исследования. Метод понимается Гуссерлем не как стиль, индивидуальный и уникальный авторский почерк. Философский метод, полагает Гуссерль, это последовательно проявляющаяся рефлексивная воля, нацеленная на «очищенные во всесторонней критике и устоявшие перед всякой критикой результаты» [9, с. 54]. Также бесперспективны, с точки зрения Гуссерля, попытки создания научной философии с ориентацией на ее мировоззренческую миссию. Мировоззрение всегда уникально, философия же может быть универсальной только благодаря единству

метода, конкретно — феноменологического метода, который дает возможность пробиться к философскому пониманию реальности.

В статье «Философия как строгая наука» Гуссерль подступает к анализу одной из главных проблем всей его философии — проблемы реальности. Он критикует поверхностный объективизм (натурализм, материализм), который основан на принципе тождества бытия и мышления, когда ощущения расцениваются как определенно адекватный и непротиворечивый слепок с действительности. Мы заранее аксиоматически предполагаем, что та картинка, которая является результатом слаженной работы наших органов чувств, отражает («копирует, фотографирует») мир в его определенности и самоданности «как таковой». Вся дальнейшая философия Гуссерля по большому счету — это описание (дескрипция) *производящего реальность* сознания, производящего при этом не копии-слепки чего-то внешне данного, но «феномены» — продукты его конституирующей деятельности. Смысл философской аналитики Гуссерля заключается в том, что он принципиально упраздняет в качестве коррелята работы сознания то, что принято противопоставлять сознанию, поскольку именно «реальность» и является тотальным производением сознания. «Реальность» — это то, что находится не «по ту сторону» его самого, она и есть главный итог и смысл работы сознания. Вместо раздвоения реальности на явление и «вещь в себе», что Гуссерль рассматривал как крайне непоследовательный и ничего не проясняющий компромисс, он оставляет «явление» как единственно возможное и чрезвычайно богатое произведение умственной деятельности. Мир, природа, действительность, реальность, объективность — это разной степени упорядоченные конструкции явления, нагруженные смыслом или пониманием того, чем они на деле являются.

Это гуссерлево тотальное последовательное и бескомпромиссное решение вопроса о смысле объективности составляет главное стратегическое направление его феноменологической философии. В статье «Философия как строгая наука» эта линия представляется еще смутной, трудной, но уже определенной линией обороны против поверхностного объективизма. Гуссерль предлагает для, так сказать, отрезвления от легковесного гносеологического оптимизма

радикальное средство – феноменологическую установку, значение которой состоит в последовательном методологическом упорстве в понимании конституирующей деятельности сознания. Понять, как объективируются в сознании вещи, – это значит восстановить процесс производства объективного в сознании. Мы видим, можем, если зададим себе такой труд, увидеть, как разрывающаяся на гносеологию и онтологию философия у Гуссерля воссоединяется в своей целостности посредством последовательного феноменологического реализма. Суть его заключается в том, что «быть» в феноменологии значит «быть представленным в сознании». Философия, стремящаяся стать «строгой наукой», должна отслеживать строго установленные границы смысла «реального». Другими словами, философия должна быть последовательной и систематически (а не только в счастливые мгновения философской «трезвости») культивировать принцип феноменологической редукции, понимать, какую именно работу сознание выполняет, когда реализует все подробности «объективной реальности» в феноменологической практике.

Что касается последователей Гуссерля или тех, кого к ним можно с полным основанием причислить, то к ним относятся не те, кто хотел бы разделить *некоторые* принципы феноменологии, а только те, кто последовательно и бескомпромиссно применяет редуктивистскую стратегию его аналитики. И в этом состоит основная сложность признания или непризнания того или иного философа феноменологом.

Гуссерля интересует проблема нейтрализации ассоциативных флуктуаций смысла. В описании интенциональных предметов он стремится к языковой прозрачности, интуитивной определенности, логической однозначности, и всё это фундировано в феноменологическом смысле очевидности.

Логика Гуссерля – это логика очевидности, но очевидности, как постоянно оговаривается сам философ, не в наивном выражении прямого непосредственного интуитивного схватывания чего-либо, лежащего в сенситивной либо в рефлексивной области, а очевидности как постепенно структурированной данности опыта, как наслаивающегося конституируемого описания явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вригт Г.Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–92.
2. Husserl E. Briefwechsel. Bd. VI. Dordrecht; Boston; L., 1994. 408 p.
3. Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge Companion to Husserl. Cambridge, 1998. Pp. 78–105.
4. Solomon R.S. Sense and Essence: Frege and Husserl // Analytic Philosophy and Phenomenology. The Hague, 1976. Pp. 32–53.
5. Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. 160 с.
6. Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. 210 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.; СПб., 1999. 608 с.
8. Хинтиikka Я. Поверхностная информация и глубинная информация: логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
9. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука : Ювента, 1998. 315 с.

СЕРКОВА Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: henrypooshel@rambler.ru

THE IDEAL OF A "STRICT SCIENCE" IN PHILOSOPHY

The article analyzes the reform program philosophy on the principle of "strict science" in the phenomenological teachings of Edmund Husserl. Shows the importance of logic in the process. A comparative analysis of the logical investigations Frege and G.E. Husserl. Shows how influenced by phenomenology on the formation of the meanings of "real" and "objective" in the writings of epistemologies of the twentieth century. The objectivist, or materialist naturalism as a form of connect two separately established areas of knowledge, empirical experience and logical relations, from the point of view of Husserl, shows its failure, because the empirical is focused on the spontaneous form of consciousness, whereas classical formal logic is an abstract from the reality of regulatory design. In this regard, Husserl, analytically describing the spontaneous work of consciousness, insisting on the reform of logic and bring it into line with the variety of perception of the world in consciousness. The development of non-classical logics in the twentieth century, a vindication of Husserl.

PHENOMENOLOGY; THE IDEAL OF A "STRICT SCIENCE"; NON-CLASSICAL LOGIC; RATIONALITY; SYMBOLIC STRUCTURE.

REFERENCES

1. Vriht G.X. fon. [Logic and philosophy in the twentieth century]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 8, pp. 80–92. (In Russ.)
2. Husserl E. Briefwechsel. Bd. VI. Dordrecht, Boston, London, 1994. 408 p.
3. Hintikka J. The phenomenological dimension. *The Cambridge Companion to Husserl*. Cambridge, 1998. Pp. 78–105.
4. Solomon R.S. Sense and Essence: Frege and Husserl. *Analytic Philosophy and Phenomenology*. The Hague, 1976. Pp. 32–53.
5. Frege G. [Selected works]. Moscow, 1997. 160 p. (In Russ.)
6. Frege G. *Logicheskie issledovaniya* [Logical studies]. Tomsk, 1997. 210 p. (In Russ.)
7. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [The phenomenology of perception]. Moscow, St. Petersburg, 1999. 608 p. (In Russ.)
8. Hintikka J. *Poverkhnostnaya informatsiya i glubinnaya informatsiya: logiko-epistemologicheskiye issledovaniya* [Surface information and deep information: Logical and epistemological studies]. Moscow, Progress Publ., 1980. 448 p. (In Russ.)
9. Husserl E. *Kartesianskiye rasmysleniya* [Cartesian meditations]. St. Petersburg, Nauka, Uventa Publ., 1998. 315 p. (In Russ.)

SERKOVA Vera A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: henrypooshel@rambler.ru